

Наблюдать, как человек постепенно покрывается пылью мирской суеты, было куда увлекательнее, чем разгадывать самые изощренные замысловатые узоры.

— Действительно, это так забавно.

Ее глаза, слегка прищуренные от улыбки, излучали чистую радость и нечто, что она сама еще не осознавала, — холодное, почти жестокое.

Насмеявшись вдоволь, она протянула руку и выдернула цветок, который только что аккуратно подрезала Чан Ли, наконец получив возможность беспрепятственно увидеть ее лицо.

Ваза, над которой та возилась долгое время, была мгновенно разрушена, но она даже бровью не повела, а лишь положила ножницы и подняла взгляд, встретившись глазами с Чжун Минчжу.

Прямой, откровенный, без малейшего уклонения.

— Почему ты смеешься? — спросила она с такой серьезностью, будто обсуждала Путь меча.

Почему же? Чжун Минчжу неторопливо оторвала один лепесток, затем резко щелкнула пальцами.

В следующий момент ветер поднял в воздух множество цветов, лепестки которых закружились, словно весенний дождь, нежный и трогательный, бесшумно превращаясь во все вокруг. Скромный двор мгновенно был захвачен великолепием, лунный свет сиял, а цветы цвели пышным цветом.

— Хотелось посмеяться, вот и смеюсь, — сказала она.

Еще один щелчок пальцев — и все великолепие двора мгновенно исчезло, превратившись в ничто. На кончиках ее пальцев остался лишь один лепесток, который она отпустила, и он медленно опустился на землю.

После завершения церемонии секты день спуска с горы был назначен. Вместе с ними отправлялись двое старших на этапе изначального младенца — Лу Ванчэнь, глава Пика Хуэйлан, и Сяо Юэ с Пика Буюй. В день отправления ученики, собравшиеся у главного пика, заметили, что за Лу Ванчэнем и Сяо Юэ следует еще один человек — Чан Ли.

Она несла древний футляр для меча, по-прежнему одетая в белые одежды, но внимательные заметили, что эти одежды отличались от прежних. Крой был иным, на передней части и левой стороне подола серебряными нитями были вышиты узоры. На первый взгляд это все еще был простой белый наряд, но при более внимательном рассмотрении можно было заметить, что на нем мерцали переливы света, особенно на подоле, словно ночной цветок расцветал. Однако самым заметным был красный агат на поясе, похожий на поток огня, яркий и притягательный.

Чан Ли носила этот агат уже некоторое время, но она редко появлялась на людях, поэтому большинство учеников секты об этом не знали.

— Почему младшая наставница здесь? Она тоже идет? — тут же начали шептаться.

— Откуда мне знать? Не ожидал, что через сто лет младшая наставница начнет украшать себя.
— Это сказал ученик, который когда-то вместе с Фэн Хайлоу участвовал в испытаниях. Его больше интересовало, почему Чан Ли появилась здесь, чем то, что она надела поясное

украшение, да еще и такое яркое, красное.

Ведь в мире всегда описывали Чан Ли как одетую в простые белые одежды, без косметики и украшений.

А теперь, хотя она все еще была в простых одеждах, они были тщательно продуманы и изысканны. Разве это была та самая младшая наставница, которая раньше просто завязывала волосы куском ткани?

Он так думал, а затем заметил, что повязка на голове Чан Ли тоже изменилась. Она была белой с серебряными нитями, на первый взгляд простой, но при ближайшем рассмотрении оказалась изысканной и изящной. На узкой полоске были вышиты непрерывные горы, камни и растения.

— Это... — он широко раскрыл глаза. — Действительно, это нечто...

Чжун Минчжу, услышав эти шепоты, внутренне посмеялась.

Все это было ее рук дело. Ранее использованная для создания одежды ткань из чешуи морского змея еще оставалась, и она сшила для Чан Ли наряд. До этого он находился в плавающей печи, и лишь несколько дней назад работа была завершена. Изначально она хотела оставить его как прощальный подарок для Чан Ли.

Истребление демонов могло занять от нескольких лет до нескольких столетий. Слышала, что когда-то Почтенный Гухун сражался с морским демоном в Восточном море, и битва длилась триста семьдесят четыре года. Теперь, спускаясь с горы, неизвестно, сколько времени пройдет, прежде чем они вернутся.

Однажды она спросила Чан Ли, почему та не спускается с горы для странствий.

После нескольких катастроф, уничтоживших целые семьи, ученики Секты Тяньи выходили в мир только по важным делам, держа жетон главы секты. Однако не было запрета на выход из горы для поиска удачи. Многие уходили самостоятельно. Но если ученик спускался с горы для самостоятельного совершенствования, он не мог полагаться на имя Секты Тяньи, становясь странствующим практикующим. Жизнь и смерть, удача и несчастья зависели только от его собственной судьбы, и секта не имела к этому отношения.

Чан Ли ответила, что ее мастер не разрешает, так как ее уровень совершенствования еще недостаточно высок. Это поставило Чжун Минчжу в тупик.

Если хочешь, чтобы Чан Ли вошла в мир, но не разрешаешь ей спускаться с горы для совершенствования, а лишь берешь ученика и изредка отправляешь его с поручениями, то это лишь слабая связь с миром, а не настоящее вхождение в него. Этот старик действительно непонятен, может, от старости мозги у него стали странными?

Чжун Минчжу была близка с Чан Ли, но к своему номинальному великому мастеру она не испытывала никакой симпатии. В душе она никогда не уважала его, называя его не иначе как «старик» или «старый мертвец». Если бы у кого-то была способность читать мысли, они бы ужаснулись.

За несколько дней до отъезда она была одновременно взволнована предстоящим истреблением демонов и грустила из-за предстоящей разлуки с Чан Ли.

Прожив бок о бок сто лет, даже с ее холодным характером, она не могла отрицать, что между ними, возможно, действительно существовала некая связь учителя и ученика.

Ведь Чан Ли никогда не обижала ее. Кроме холодного отношения и принуждения к тренировкам с мечом, она была безупречно хороша. Она предоставляла все необходимые ресурсы, учила без утайки и никогда не ставила себя выше, не сердилась, как бы Чжун Минчжу ни провоцировала.

У Чжун Минчжу все же было немного самосознания относительно своего характера. Только Чан Ли могла находиться с ней рядом, не показывая своего недовольства. В те пять лет на Пике Минцзин Дин Линъюнь несколько раз с ней дралась.

После спуска с горы, где она найдет такого хорошего учителя? К тому же без защиты Чан Ли ей придется вести себя осторожно, чтобы остаться в безопасности. Мысль об этом вызывала у нее чувство глубокого неудобства. Когда она уже начала полуискренне грустить, Чан Ли сказала, что тоже отправится с ними.

— В тот день старший мастер пришел, чтобы сообщить об этом.

Услышав это, едва накопившаяся грусть мгновенно рассеялась. Чжун Минчжу тут же бросила деревянный ящик с одеждой из чешуи морского змея прямо в лицо Чан Ли.

— Почему ты не сказала раньше! — снова превратившись в ту самую Чжун Минчжу, которая не уважала старших.

— Ты не спрашивала, — Чан Ли поймала ящик, открыла его и спросила:

— Что это?

— Изначально это был прощальный подарок, но теперь... эх, ладно. — Чжун Минчжу махнула рукой, на лице все еще читалось недовольство. — В любом случае, это знак уважения ученика.

— Спасибо.

Спокойно, без малейшего намека на искренность.

Чжун Минчжу пренебрежительно фыркнула. Она думала, что Чан Ли сейчас уберет ящик. Когда та приняла тот агат, то сразу же хотела положить его в кольцо-хранилище, и если бы Чжун Минчжу не успела отобрать его и надеть на нее, агат, вероятно, никогда бы не увидел свет. Но теперь это была одежда, она не могла заставить Чан Ли переодеться.

Наверное, пройдет несколько сотен лет, прежде чем она увидит ее в этом наряде, — подумала она с досадой. Однако, обернувшись, она увидела, что Чан Ли уже переоделась, а прежняя одежда аккуратно сложена рядом. Увидев это, она невольно цокнула языком.

— Когда уровень совершенствования высок, все так удобно — пальцем шелк, и одежда сменилась.

Она осмотрела Чан Ли. Та все еще была одета в белые одежды, с холодным выражением лица, но почему-то казалась обновленной.

Наверное, одежда красивая. Действительно, мое мастерство великолепно, — она внутренне похвалила себя, и выражение лица смягчилось.

Всегда так — гнев приходит быстро и уходит быстро, меняется быстрее, чем страницы книги. Это про нее.

Она подошла, подняла стеклянное украшение и снова привязала его к поясу Чан Ли, с серьезностью сказав:

— Учитель, я спускаюсь с горы. Если ты тоже спускаешься с горы, то это касается меня. Если это касается меня, даже если я не спрашиваю, ты должна мне сказать.

Полная ерунда. Следуя ее логике, Чан Ли должна была бы сообщить об этом каждому из тридцати учеников. Чан Ли, однако, учла это и спросила:

— А другие?

Чжун Минчжу на мгновение замялась, надула губы, подумав, что учитель стала менее доверчивой, затем резко дернула поясное украшение и сказала:

— У нас глубокая связь учителя и ученика, а они кто такие? Сообщай только мне.

Она стояла на коленях рядом с Чан Ли, не замечая задумчивого взгляда, упавшего на ее голову. Через мгновение она услышала привычное снисхождение.

— Хорошо.

Перед отправлением обязательной частью было напутствие главы секты. Лу Ванчэнь и другие стояли рядом с учениками, а Юнь И произносил длинную речь перед главным залом.

Пока он терпеливо говорил о том, что сердце практикующего должно быть предано миру, что бесчинства демонов недопустимы и прочую чепуху, Чжун Минчжу оглядывалась по сторонам.

Из тридцати учеников она знала только троих: Дин Линъюнь, Фэн Хайлоу и Чэн Лина, которого она в шутку называла Посланником Чистого Реки.

Посланник Чистого Реки — это священная черепаха. Хотя он проиграл, но, поскольку провел на поле достаточно времени, получил возможность продолжить.

<http://bllate.org/book/16292/1468380>